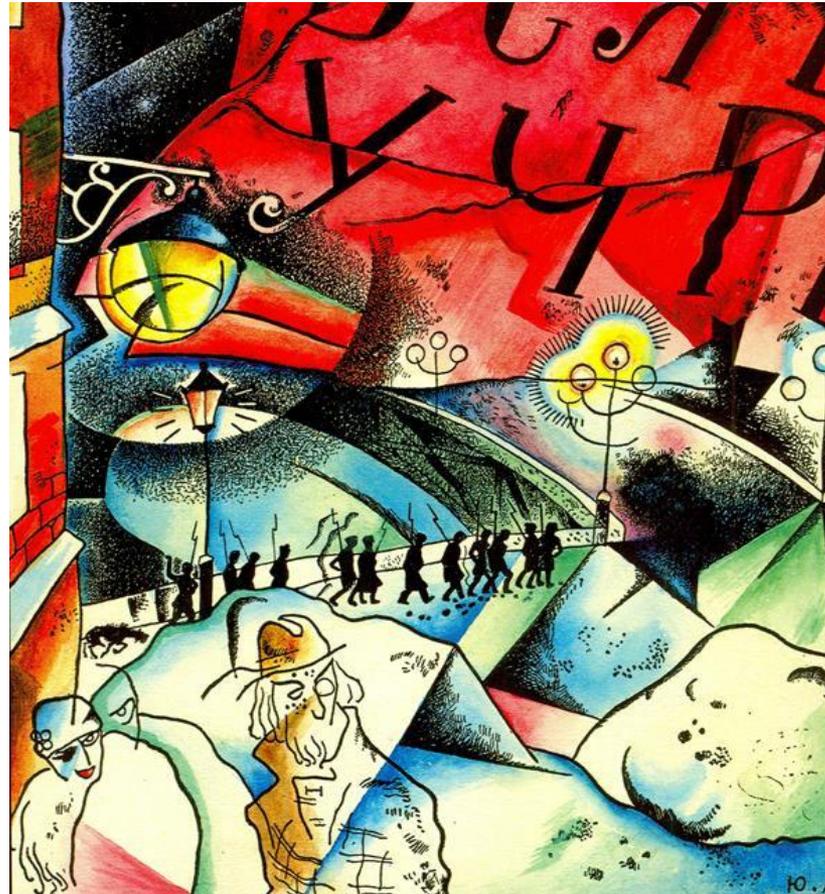

Размышления А.Блока о революции

«Может ли интеллигенция работать с большевиками?» (14 января 1918)

Может ли интеллигенция работать с большевиками? -- Может и обязана.

Вне зависимости от личности, у интеллигенции звучит та же музыка, что и у большевиков.

Интеллигенция всегда была революционна. Декреты большевиков -- это символы интеллигенции. Брошенные лозунги, требующие разработки. Земля Божия... разве это не символ передовой интеллигенции? Правда, большевики не произносят слова "Божья", они больше чертыхаются, но ведь из песни слова не выкинешь. Озлобление интеллигенции против большевиков на поверхности. Оно, кажется, уже проходит. Человек думает иначе, чем высказывается. Наступает примиренность, примиренность музыкальная...

«Интеллигенция и революция» (9 января 1918)

России суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и - по-новому - великой. (...)

Поток предчувствий, прошумевший над иными из нас между двух революций, также ослабел, заглох, ушел где-то в землю. Думаю, не я один испытывал чувство болезни и тоски в годы 1909 - 1916.

Теперь, когда весь европейский воздух изменен русской революцией, начавшейся "бескровной идиллией" февральских дней и растущей безостановочно и грозно, кажется иногда, будто и не было тех недавних, таких древних и далеких годов; а поток, ушедший в землю, протекавший бесшумно в глубине и тьме, - вот он опять шумит, и в шуме его - новая музыка.

Мы любили эти диссонансы, эти ревы, эти звоны, эти неожиданные переходы... в оркестре. Но, если мы их *действительно любили*, а не только щекотали свои нервы в людном театральном зале после обеда, мы должны слушать и любить те же звуки теперь, когда они вылетают из мирового оркестра; и, слушая, понимать, что это - о том же, все о том же.

Что же задумано?

Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью.

Когда *такие* замыслы, искони таящиеся в человеческой душе, в душе народной, разрывают сковывавшие их путы и бросаются бурным потоком, доламывая плотины, обсыпая лишние куски берегов, это называется революцией. Меньшее, более умеренное, более низменное - называется мятежом, бунтом, переворотом. Но *это* называется *революцией*.

Она сродни природе. Горе тем, кто думает найти в революции исполнение только своих мечтаний, как бы высоки и благородны они ни были. Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран, всегда несет новое и неожиданное; она жестоко обманывает многих; она легко калечит в своем водовороте достойного; она часто выносит на сушу невредимыми недостойных; но - это ее частности, это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издает поток. Гул этот, все равно, всегда - о великом. (...)

"Мир и братство народов" - вот знак, под которым проходит русская революция. Вот о чем ревет ее поток. Вот музыка, которую имеющий уши должен слышать.

Почему дырявят древний собор? - Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой.

Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? - Потому, что там насильовали и пороли девок: не у того барина, так у соседа.

Почему валят столетние парки? - Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть: тыкали в нос нищему - мощной, а дураку - образованностью.

Всё так.

Я знаю, что говорю. Конем этого не объедешь. Замалчивать этого нет возможности; а все, однако, замалчивают.

Я не сомневаюсь ни в чьем личном благородстве, ни в чьей личной скорби; но ведь за прошлое - отвечаем мы? Мы - звенья единой цепи. Или на нас не лежат грехи отцов? - Если этого не чувствуют все, то это должны чувствовать "лучшие".

Что же вы думали? Что революция - идиллия? Что творчество ничего не разрушает на своем пути? Что народ - паинька? Что сотни обыкновенных жуликов, провокаторов, черносотенцев, людей, любящих погреть руки, не постараются ухватить то, что плохо лежит? И, наконец, что так "бескровно" и так "безболезненно" и разрешится вековая распря между "черной" и "белой" костью, между "образованными" и "необразованными", между интеллигенцией и народом?

А лучшие люди говорят: "Мы разочаровались в своем народе"; лучшие люди ехидничают, надмеваются, злобствуют, не видят вокруг ничего, кроме хамства и зверства (а человек - тут, рядом); лучшие люди говорят даже: "никакой революции и не было"; те, кто места себе не находил от ненависти к "царизму", готовы опять броситься в его объятия, только бы забыть то, что сейчас происходит; вчерашние "пораженцы" ломают руки над "германским засильем", вчерашние "интернационалисты" плачутся о "Святой Руси"; безбожники от рождения готовы ставить свечки, молясь об одолении врага внешнего и внутреннего.

Не знаю, что страшнее: красный петух и самосуды в одном стане или эта гнетущая немзыкальность - в другом?

Я обращаюсь ведь к "интеллигенции", а не к "буржуазии". (...)

У буржуа - почва под ногами определенная, как у свиньи - навоз: семья, капитал, служебное положение, орден, чин, бог на иконе, царь на троне. Вытащи это - и все полетит вверх тормашками.

У интеллигента, как он всегда хвалился, такой почвы никогда не было. Его ценности невещественны.

Его царя можно отнять только с головой вместе. Уменье, знание, методы, навыки, таланты - имущество кочевое и крылатое. Мы бездомны, бессемеины, бесчинны, нищи, - что же нам терять?

Стыдно сейчас надмеваться, ухмыляться, плакать, ломать руки, ахать над Россией, над которой пролетает революционный циклон.

Значит, рубили тот сук, на котором сидели? Жалкое положение: со всем сладострастьем ехидства подкладывали в кучу отсыревших под снегами и дождями коряг - сухие полешки, стружки, щепочки; а когда пламя вдруг вспыхнуло и взвилось до неба (как знамя), - бегать кругом и кричать: "Ах, ах, сгорим!" (...)

Всем телом, всем сердцем, всем сознанием - слушайте Революцию.

«Искусство и революция (По поводу творения Рихарда Вагнера)» (12 марта 1918)

Возвратить людям всю полноту свободного искусства может только великая и всемирная Революция, которая разрушит многовековую ложь цивилизации и поднимет народ на высоту артистического человечества.

Из записной книжки Блока от 1918 года:

«Что Христос идет перед ними -- несомненно. Дело не в том, "достойны ли они его", а страшно то, что опять он с ними и другого пока нет; а надо Другого?»

«Страшная мысль этих дней: не в том дело, что красногвардейцы "недостойны" Иисуса, который идет с ними сейчас, а в том, что именно Он идет с ними, а надо, чтобы шел Другой».

«... если бы в России существовало действительно духовенство, а не сословие нравственно тупых людей духовного звания, оно давно бы "учло" то обстоятельство, что "Христос с красногвардейцами". Едва ли можно оспорить эту истину, простую для людей, читавших Евангелие и думавших о нем... Разве я "восхвалял"?.. Я только констатировал факт: если взглянуть в столбы метели на *этом пути*, то увидишь "Иисуса Христа". Но я иногда сам глубоко ненавижу этот женственный призрак».

**В августе 1918 года Блок рассказывал, как любит он ходить по
ночному городу в метель, когда все кругом "как бы
расплывается". И вдруг -- в переулке мелькнуло что-то светлое
-- может быть, флаг? "Вот в одну такую на редкость вьюжную
зимнюю ночь мне и привиделось светлое пятно; оно росло,
становилось огромным. Оно волновало и влекло. За этим
огромным мне мыслились двенадцать и Христос".**

Вл. Орлов «Гамаюн. Жизнь Александра Блока».

"Учение Христа, установившего равенство людей, выродилось в христианское учение, которое потушило религиозный огонь и вошло в соглашение с лицемерной цивилизацией..." (март 1918 года).

"Когда появился Христос, перестало биться сердце Рима", ветер христианства разросся в бурю, истребившую старый мир, -- говорит Блок в очерке "Каталина", написанном вслед за "Двенадцатью".

Да, из Евангелия мы знаем, что Иисус в своем человеколюбии не только пришел прежде всего к блудницам и разбойникам и назвал их первыми в своем царстве, но и сам был "причтен к злодеям" -- был распят вместе с двумя разбойниками. ("И был с разбойником", -- цитирует Блок Евангелие от Луки в черновике "Двенадцати".) Он был заодно с горемычными, голодными, темными и грешными. Это им, а не богатым, преуспевающим и довольным обещал он новую жизнь. В этом смысл блоковского замечания: "Опять он с ними" -- то есть с голытьбой, что двадцать веков спустя поднялась за свои права, за свое место под солнцем. "Опять" -- потому, что именно таково было первоначальное христианство: "религия рабов, изгнанников, отверженных, гонимых, угнетенных" (Энгельс).

Так приоткрывается наиболее важная сторона блоковского представления о Христе. Он был для поэта не только воплощением святости, чистоты, человечности, справедливости, но и символом, знаменующим стихийное, бунтарско-демократическое, освободительное начало и торжество новой всемирно-исторической идеи.

Образ Христа -- олицетворение новой всемирной и всечеловеческой веры, новой морали -- послужил для Блока символом всеобщего обновления жизни, начатого русской революцией, и в таком значении появился в финале "Двенадцати". Это как бы наивысшая санкция делу революции.